

В.П. МОСКВИН
(Волгоград)

АЛЛЮЗИЯ КАК ФИГУРА ИНТЕРТЕКСТА*

Рассмотрено соотношение аллюзии со смежными феноменами, что дало возможность уточнить данное понятие. Разработана общая полиаспектная типология видов аллюзии.

Ключевые слова: *аллюзия, эпитроп, аппликация, интертекстуальность, прецедентность.*

Аллюзия справедливо считается одним из наименее определенных категорий стилистики. Причина видится прежде всего в недостаточно четком разведении ряда приемов, каковыми, в частности, являются: 1) текстовая аллюзия; 2) эпитроп; 3) аппликация. Рассмотрим данные понятия.

Текстовая аллюзия [англ. *textualallusion*] представляет собой словесный намек на известное адресату произведение, т. е. на прецедентный текст, а значит принадлежит к разряду фигур интертекста [8, с. 81–125]. Приведем пример лермонтовской аллюзии, получившей волею поэта Валентина Загорянского статус стихотворного текста:

Белеет

Текстовая аллюзия «как образная (поэтическая) ссылка» [4, с. 14] на прецедентный текст трактуется как «способ одновременной активизации двух текстов» [14, с. 107], «способ объединения текстов» [13, с. 588], «вид интертекстуальности» [31, с. XI и 5.]. Интертекстуально обогащенная речь обращена к текстам прошлого, а значит к истории, отсюда трактовка аллюзии и иных ретроспективных апелляций как «диахронических фигур» [23, с. 113]. Понимание такой речи, ее «ретроактивное прочтение» [34, с. 17] невозможны без обращения к прецедентным текстам, которые служат «текстуальными линзами» [26, с. 114], обеспечивающими адекватное ее видение.

Средствами выражения текстовой аллюзии целесообразно считать:

1. Отдельное слово или вариант слова, способные обеспечить ассоциативную «привязку» к конкретному прецедентному тексту, в частности: а) авторские неологизмы: *апофегей* (*апофеоз* + *апогей*) ~ повесть Ю.М. Полякова «Апофегей» → **Апофегеем** «бунта Первой Конной» стали события в Рогачеве (А. Ю. Щербаков. Гражданская война); б) редкие фонетические, орфографические или иные варианты слов: **Революционный** *держите шаг!*.. (А. Блок. Двенадцать) → *Гордость свою пролетарскую вспомни, тысячи ждущих рабочих мест. Звоном набат революционный: «Кто не работает – тот не ест!»* (К. Санрин. Прохожему, обдумывающему житье); в) имена собственные мифологических и литературных героев (*Геракл, Ромео, Плюшкин* и др.), лежащие в основе ономастической аллюзии. Такими, в общих чертах, представляются состав, членение и основные источники корпуса интертекстуально отмеченной лексики.

2. Ряд однословных единиц, не отражающих компонентной, позиционной и грамматической структуры исходного текстового фрагмента. Сравним название кинофильма «Ирония судьбы» и первую строку в следующей эпиграмме В. Гафта: *Не будь «иронии» в судьбе, Мы б не узнали о тебе* (А. Мягкову). Такая аллюзия именуется развернутой [англ. *extendedallusion*].

Э. Майнер определяет текстовую аллюзию как «преднамеренную вставку *опознаваемых элементов* [курсив наш. – В.М.] из других источников» [29, с. 39]. Такие «опознаваемые» элементы, способные отсылать адресата к исходному тексту, именуют маркерами, или репрезентантами аллюзии.

Как видим, текстовая аллюзия как интертекстуально осложненная номинация имеет строго определенную номинативную технику. Ссылка при такой аллюзии опускается: а) по причине известности прецедентного текста адресату; б) «во избежание прямого упоминания», т. е. «в риторических целях» [25, с. 3], например из этикетных соображений: «Я не буду оспаривать ваше мнение» (Из полемики),

* Статья печатается при поддержке гранта РГНФ (№ 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов»).

ср. в исходном тексте: «Хвалу и клевету приемли равнодушно, И не оспори́вай глупца» (А.С. Пушкин). Снабжение текстовой аллюзии ссылкой превратит её в цитату, поэтому нецелесообразно полагать, что «если автор заинтересован в том, чтобы читатель опознал источник аллюзии, он может просто сослаться на этот текст» [27, с. 245].

Известны следующие две семантические особенности текстовой аллюзии:

1. Возможность не только претекстуального, но и контекстуального, т. е. прямого, поверхностного осмысления. Специалисты говорят о завуалированности аллюзии, непрямом ее характере, «вторичности референции». Так, Г. Мейер отмечает, что в новом контексте аллюзия «приобретает двойное значение», при этом прямое значение вытекает из «присутствующего текста» («текста *inpraesentia*»), скрытое же – из претекста («текста *inabsentia*»), и потому именуется текстовую аллюзию «криптоцитатой (*kryptische Zitate*)» [28, с. 218]. К. Шаар приписывает прямое значение текстовой аллюзии «поверхностному контексту», скрытое – «вертикальному контексту» [37, с. 382]. Способность распознать текстовую аллюзию, а значит угадать прецедентный текст (претекст), стоящий за одним-двумя словами, «зависит от компетентности читателя»; соответственно, «текст может быть прочитан на различных уровнях»: либо «буквальном (на уровне фавулы)», либо «на уровне подтекста» [10, с. 9].

2. Компрессивность. С этой точки зрения текстовая аллюзия трактуется как номинативная свертка исходного текста или его фрагмента, «замещающая» его содержание [5, с. 99]; еще М. Риффатер отметил, что в аллюзии «каждый лексический элемент – это верхушка (*tip*, букв. ‘кончик’. – В.М.) айсберга, вся семантическая система которого сжата в одном слове» [35, с. 627].

Робер де Богранд и Вольфганг Дресслер ввели понятие медиации – степени напряжения в понимании интертекстуальных отсылок адресатом: так, «медиация существенно меньше, если упоминается хорошо знакомый текст» [12, с. 188]. Факторами, затрудняющими опознание и понимание вставок из чужой речи, а значит препятствующими «интертекстуально эффективной коммуникации» [40, с. 94], представляются: а) отсутствие ссылки, что характерно для аллюзии, аппликации и травестирования; б) небольшой объем (примета аллюзии). Как видим, наибольшие затруднения возникают при восприятии аллюзии, поэтому ее характеризуют как «стопорящий блок» [35, с. 6] и говорят об «аллюзивной компетенции» [21, с. 143].

Как сложный, интертекстуально обогащенный знак аллюзия имеет ассоциативную опору. Здесь выделим два случая: 1. Опора на предтекст. В повести О. Генри «Короли и капуста» один приятель поведал другому, как некий мошенник заработал 288 долларов, сбыв партию фальшивых часов. И продолжает свой рассказ: *Так вот, я и говорю: у Генри было 360 долларов, а у меня 288*. 2. Опора на претекст: *Идемте в городской сад. Я вам устрою сцену у фонтана* (слова Остапа Бендера, обращенные к самозванным сыновьям Е. Петрова «Золотой теленок»). В приведенной фразе содержится аллюзия к сцене встречи Самозванца с лейтенанта Шмидта Шуре Балаганову и Паниковскому в романе И. Ильфа и Мариной Мнишек в драме «Борис Годунов» А.С. Пушкина (ср.: «Ночь. Сад. Фонтан»).

Предтекст как опору для осмысления текста именуют горизонтальным контекстом, прецедентный текст – вертикальным контекстом, ср.: «Тремя измерениями <текста> являются: сюжет написанного (*écriture*), адресат и внешние тексты (три элемента диалога). Таким образом, статус слова определяется: а) *горизонтально*: слово в тексте принадлежит его сюжету и адресату; б) *вертикально*: слово в тексте ориентировано на совокупность литературных текстов прошлого или настоящего» [24, с. 84].

Эпитроп [греч. *επιτροπή* ‘наме́к’, букв. ‘поворот к чему-л.’] представляет собой «фигуру отсылки», используемую «ради стиля или дабы не наскучить судьбе либо <другому> слушателю, досажая ему всем тем, что мы можем рассказать, но говорим достаточно для того, чтобы он понял все остальное» [33, с. 234]. Иными словами, эпитроп как способ «сказать несказанным» [17, с. 57] является приемом указания таких фактов и деталей, которые дают адресату возможность самостоятельно прийти к определенному выводу относительно характеризуемого предмета: *Живет генерал Хвалынский в небольшом домике, один; супружеского счастья он в своей жизни не испытал и потому до сих пор еще считается женихом, и даже выгодным женихом. Зато ключница у него, женщина лет тридцати*

пяти, черноглазая, чернобровая, полная, свежая и с усами, по будничным дням ходит в накрахмаленных платьях, а по воскресеньям и кисейные рукава надевает (И.С. Тургенев). Намеки такого типа именуют бытовыми аллюзиями; в этом случае под аллюзией понимают косвенную отсылку к любому известному для адресата факту [7, с. 12]. Эпитроп может опираться на исторические сведения: В. Жириновский. *Явлинский, не вылезая, сидит в Давосе, а к двухтысячному году он хочет вернуться в Россию в запломбированном вагоне* (Московский комсомолец, 27.04.1998). Такие аллюзии называют историческими.

В филологии распространено понимание аллюзии как «намёка на другое литературное произведение» [29, с.39], «способа одновременной активизации двух текстов» [14, с. 107], «вида интертекстуальности» [31, с. XI и 5]. В этой связи Дж. Кумбз констатирует: «Современные теории аллюзии, постулирующие исключительно “литературную” основу аллюзии, неспособны объяснить феномен нелитературных аллюзий» [16, с. 475], т. е. аллюзий, являющихся видами эпитропа.

Аппликация [лат. *applicatio* ‘приложение, применение’] состоит в использовании фрагмента известного адресату текста без ссылки на источник [30, с. 15–16]: *У частного поверенного Зельтерского слипались глаза. Природа погрузилась в потёмки. Затихли ветерки, замолкли птичек хоры и прилегли стада* (А.П. Чехов. Гость). На фоне прозы заметна иностилевая стихотворная «вставка» из хрестоматийно известной басни И.А. Крылова «Осел и соловей». По своей номинативной технике аллюзия, в отличие от аппликации, представляет собой фрагментарное, зачастую неточное воспроизведение части претекста: «Аллюзия не предполагает формальной идентичности. Примеры маркеров – искаженная цитата или одиночное существительное в новом падеже» [14, с. 110]. Ввиду этой формальной её особенности аллюзию уподобляют неясному эхо, возвращающему звук в искажённом виде, а также «реверберации» [22, с. 32]. Отсутствие ссылки на исходный текст сближает эти два приема.

В специальной литературе текстовая аллюзия и аппликация не разведены. Так, И.Р. Гальперин отмечает, что в структурном плане аллюзия представляет собой «слово или фразу» [18, с. 187]; в словаре А.П. Квятковского как примеры аллюзии приводятся крылатые выражения *Я умываю руки* и *Демьянова уха*. Однако по своей номинативной технике аппликация представляет собой *полное и точное* воспроизведение части текста (как минимум, словосочетания), в то время как текстовая аллюзия состоит в воспроизведении *фрагментарном и неточном*. Нецелесообразно определять аллюзию и как «употребление ходового выражения в качестве намека на хорошо известный факт, исторический или бытовой» [3, с. 21], поскольку в этом случае становится невозможным разведение уже трех понятий: аллюзии, аппликации и эпитропа.

Давно замечено, что опорой аллюзии могут стать не только содержательные, но и звуковые ассоциации, ср.: «Аллюзия, лат. *allusio*. В риторике: фигура, с помощью которой намекают на что-либо или подразумевают что-либо на основе некоторого <смыслового> сходства имен или их звучания» [19, ф. 14 А]. Намек на основе близкочувия принято именовать фонетической аллюзией. В одном из рассказов М. Зощенко читаем: *Только, может, посмотрел он на одну надпись, вдруг в Ригу поехал*. А.А. Реформатский поясняет: «Вместо *его вырвало* говорят *он поехал в Ригу* (по каламбурному созвучию)» [9, с. 106]. Фонетическая аллюзия может выступать в комбинации с парафразом; в этом случае наблюдаем «переделку устойчивого выражения», основанную «на замене одного из его членов словом, близким по звучанию» [2, с. 255]: *Как говорят в народе, в семье – не без **Мавроди*** (Заголовок статьи).

И.В. Арнольд указывает на то, что «строго разграничить аллюзию и другие виды подразумевания довольно трудно» [1, с. 103–104]. Неразграничение ряда рассмотренных выше понятий превращает аллюзию в неопределенный, а потому не поддающийся определению теоретический конструкт. Разнобой в осмыслениях и истолкованиях приводит к тому, что среди понятий стилистики аллюзия считается одним из наиболее «размытых» [6, с. 25].

Первоначально термин *аллюзия* означал любую игру на смыслах или звучании слов [лат. *allusio-verborum* ‘игра слов’ <*alludere* ‘играть, шутить’ <*lusio* ‘игра’], позже данный термин приобретает значение ‘намек’ (в контекстах типа *obscuraallusio* ‘неясный намек’). Первое употребление термина *ал-*

люзия в филологическом значении ‘смысловая игра’ приписывается римскому политику и учёному Флавию Кассиодору (ок. 487 – 580), который использует термин *метафорическая аллюзия*, об аллюзии же говорит, что она «создает аллюзию» [15, с. 316, 86]. Судя по этим и иным контекстам, Кассиодор противопоставляет прямой смысл слова («*sensus verbi*») и смысловую игру слов, их косвенный смысл («*allusio verbi*»), отсюда следующая традиционная для западной лингвистики трактовка: «Аллюзия – легкое изменение слова, вариация его значения», «игра слов» [38, с. 112], а также осмысление аллюзии как «аллюзивного тропа» («*trope allusion*», «*trope of relatedness*») [32, с. 117–128].

Ю. Скалигер (1484–1558) рассматривает аллюзию в главе «Аннотация, паронимия, или аллюзия», полагая, что «в серьёзных жанрах аллюзия не используется» [36, с. 131]. Понимание аллюзии как каламбурной паронимии («аннотации») наблюдаем и позже: «Каламбур – аннотация; игра слов, шутливая аллюзия. Каламбурить – играть на звучании слов» [11, с. 206].

При еще более широком истолковании, объединяющем трактовки Кассиодора и Скалигера, аллюзия понимается как любая ассоциация по сходству, смежности или близкозвучию [23, с. 6, 23, 62, 113]. Оксфордский толковый словарь отмечает следующие значения термина *allusion*: 1) ‘языковая игра, игра слов, каламбур’; 2) ‘символическое употребление или уподобление; метафора, аллегория’; 3) ‘скрытое, подразумеваемое или не прямое значение; окказиональное либо второстепенное значение’ [39, с. 349]. Такая трактовка приводит к сближениям аллюзии с метафорой, аллегорией, тропом, паронимией, каламбуром, аллитерацией [20, с. 420] и т. д.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М., 1990.
2. Земская Е.А. Речевые приёмы комического // Исследования по языку советских писателей. М., 1959.
3. Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966.
4. Ключкова И.М. Лингвистический аспект механизма действия аллюзии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1990.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.
6. Лебедева Л.И. Аллюзия // Русский язык : энциклопедия. М., 1997.
7. Мамаева А.Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
8. Москвин В.П. Интертекстуальность: понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. Изд. 2-е. М., 2012.
9. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1996.
10. Соловьёва М.А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
11. A New & copious lexicon of the Latin language / Ed. F. P. Leverett. Vol. 2. Boston, 1853.
12. Beaugrande R.-A., Dressler W. Introduction to text linguistics. London & New-York, 1981.
13. Ben-Porat Z. The Poetics of Allusion – A Text-Linking Device – In Different Media of Communication (Literature versus Advertising and Journalism) // A Semiotic Landscape / Ed. S. Chatman, U. Eco & J.-M. Klinkenberg. The Hague, 1979.
14. Ben-Porat Z. The Poetics of Literary Allusion // A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Language. Vol. 1. 1976.
15. Cassiodorus Senator. Explanation of the Psalms. New Jersey, 1991.
16. Coombs J.H. Allusion defined & explained // Poetics. Vol. 13. 1984. № 6.
17. Galperin I.R. An Experiment in Superlinear Analysis // Language and Stile. Vol. IV. 1971. № 1.
18. Galperin I.R. Stylistics. М., 1977.
19. Good J.M., Gregory O., Bosworth N. Pantologia: A new cyclopaedia, comprehending a complete series of essays, treatises, & systems, alphabetically arranged; with a general dictionary of arts, sciences & words. Vol. 1. London, 1813.
20. Grant J. Institutes of Latin grammar. London, 1823.
21. Hebel U.J. Towards a Descriptive Poetics of Allusion // Intertextuality. Research in Text Theory / Untersuchungen zur Texttheorie / Ed. H. F. Plett. Vol. 15. Berlin & New York, 1991.
22. Hinds S. Allusion and intertext. Cambridge Univ. Press, 1998.
23. Hollander J. The Figure of Echo: A Mode of Allusion in Milton & After. Univ. of California Press, 1984.
24. Kristeva J. Σημειωτική. Recherches pour un sémanalyse. Paris, 1969.
25. Lennon P. Allusions in the press: an applied linguistic study. Berlin & New York, 2004.
26. Lynch S.J. Shakespearean Intertextuality. Westport, 1998.
27. Lyons M.A. Marking Innerbiblical Allusion in the Book of Ezekiel // Biblical studies. Vol. 88. 2007.

28. Meyer H. Das Zitat in der Erzählkunst. Zur Geschichte und Poetik des europäischen Romans. Stuttgart 1961.
29. Miner E. Allusion // The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics / Ed. A. Preminger & T. Brogan. Princeton Univ. Press, 1993.
30. Nodier Ch. Questions de littérature légale: Du plagiat, de la supposition d'auteurs, des supercheries qui ont rapport aux livres. Paris, 1828.
31. Pasco A.H. Allusion: a literary graft. Rookwood Press, 2002.
32. Perri C. Knowing and Playing: The Literary Text and the Trope Allusion // American Imago. Vol. 41. 1984.
33. Puttenham G. The Arte of English Poesie. 1589 / Ed. by E. Arber. London, 1869.
34. Riffaterre M. Semiotique de la poesie. Paris, 1983.
35. Riffaterre M. Syllepsis // Critical inquiry. Vol. 6. 1980. № 4.
36. Scaliger J. C. Poetices libri septem. Genovae-Lyons, 1561.
37. Schaar C. Linear sequence, spatial structure, complex sign, and vertical context system // Poetics. Vol. 7. Amsterdam, 1978. № 4.
38. The Cambridge history of literary criticism: The Renaissance. Cambridge Univ. Press, 1989.
39. The Oxford English Dictionary: Vols 1-20. Oxford Univ. Press, 1989. Vol. 1.
40. Warnick B. Rhetoric online: persuasion and politics on the World Wide Web. New-York, 2007.

Allusion as a figure of intertext

*There is considered the correlation of allusion with adjoining phenomena that made it possible to specify the notion.
There is developed the general polyaspect typology of allusions.*

Key words: *allusion, epitrope, application, intertextuality, precedence.*